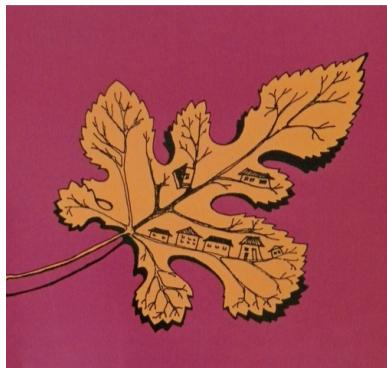

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЕБ-СТРАНИЦА

ЗЫБИНКА

Выпуск №10
29.08.2022 г.

Александр МЕЛЬНИКОВ

* * *

Да, это лето, с ним и я и ты,
И все здесь есть, чтоб нравилось
нам это.

Вода, и с ней зеленые кусты,
И есть вино, и гордость не
задета.

Как хорошо упасть среди травы,
Вдыхая грудью ароматы лета.
Ты посмотри – еще цветут цветы,
А значит, лета песнь еще не
спета.

Робеешь ты, но это для красы,
Вином все будет быстро
разогрето,
Меня ты поцелуем обожги,
А я скажу – прекрасно это лето.
Природа это символ красоты,
И речка Пирита берет начало
где-то.

Тот, кто сажал зеленые кусты,
Тот знал, что жизнь она и то, и
это.

Павел ПРАГИН

* * *

Жил человек в задрипанной
хрущобе —

как на листе засаленном пробел.
Жил не как все — загадочней, и
чтобы

остаться независимым до гроба,
писал стихи и птицам песни пел.
В крысиной стае слыл он белой
крысой
и равнодушно пакости сносил
от близких — ведь не пил, не
матерился
и втихаря в подъездах не
мочился,
не сплетничал и флагов не носил.
И сколько бы верёвочки не
виться,
но первые из стаи между дел
избили так, что умер он в
больнице —
чего б не поучить, коли боися...

.....
А он, болезнй, просто их жалел!

Невозможно забыть годы винской службы. И хотя уже прошло столько лет, а нет-нет, да и нахлынут воспоминания, словно теплая волна памяти на желтый, песчаный пляж души.

Служил я как и все, не хуже и не лучше, постепенно продвинувшись по ступенькам служебной лестницы от курсанта до почетного звания гвардии сержант. Но как-то раз мне, артиллеристу-ракетчику пришлось побывать личным врачом начальника штаба дивизиона гвардии капитана Шалимова.

Этот необычный случай произошел ав августе, когда дивизион наш выехал на учения в лес. Замаскировав технику, протянув все мыслимые и немыслимые кабели, провода и проволочки, установив систему охраны и с чувством исполненного воинского долга перед Родиной, плотно поужинав гречневой кашей с тушонкой возле полевой кухни, мы буквально завалили грязной посудой ефрейтора Женя Новикова. Ох, и досталось Женя однажды от старшины хозввода гвардии прапорщика Баланчука. Дело в том, что Женя прибыл к нам в дивизион недавно с молодым пополнением из учебной части, где он пять месяцев усердно осваивал профессию повара. Она и стала его основной воинской специальностью. Словом, ефрейтор Новиков должен был всех нас кормить и поить. Но надежда на Женины кулинарные таланты растаяла быстро, словно мартовский снег во время теплой и дружной весны.

Уж не знаю, по каким обстоятельствам гв. прапорщик Баланчук должен был отлучиться, а приготовление каши на ужин поручил Евгению. Что он варил – неведомо никому. Взвод разведчиков, прибывший поужинать после смены с постов и отведавший Жениной каши, поутру в полном составе был доставлен в медсанчасть с диагнозом пищевое отравление. После подобного инцидента ефрейтор был отстранен от кухни и на все армейские дни переведен старшиной Баланчуком в посудомойки.

И вот мы, набросав вокруг Женя горы грязных мисок, кружек, котелков, похихикив над

неудавшимся кашеваром, разошлись по своим делам. Одни писали письма, другие пошли играть в футбол на большую поляну, третьи просто лежали на мягкой луговой травке и курили. Я возвратился в полевую походную гостиницу, прилег на полку в своем купе и углубился в чтение интересного журнала. Походная гостиница – это небольшой вагон купейного типа, установленный на шасси автомобиля «МАЗ». Здесь в трех четырехместных купе расположились солдаты, а в двух последних поселились офицеры. Я жил в купе под номером один. Оно в отличие от остальных было двухместным и соседом стал мой товарищ гвардии сержант Алик Баталов, санинструктор дивизиона. Вместе мы стойко переносили тяготы и лишения армейской службы. Ящик с медикаментами Алик хранил под своей полкой и добросовестно лечил прихворнувших сослуживцев не жалея таблеток и микстур.

В тот вечер Алик, заядлый футболист, ушел играть на большую поляну, остальные купе тоже были пусты, так что в гостинице оставался я один. Вдруг чтение мое на полуслове перебил голос с улицы. Кто-то жалобно звал:

– Баталов! Баталов! Ты здесь?
Я выглянул на улицу через открытые двери и увидел внизу у входа начальника штаба гвардии капитана Шалимова. Вид у него был, скажу прямо, страдальческий: лицо бледное, а голова перевязана мокрым полотенцем. Заметив меня, Шалимов сделал над собой невероятное, судя по мимике на его лице, усилие и простонал:

– А где Баталов?

– Его нет, товарищ гвардии капитан! Он ушел

играть в футбол, – четко и громко отрапортовал я.

– Ты разбираешься в таблетках? Дай мне что-

нибудь от головы, ужасно болит... Сил нет

терпеть...

Я предложил капитану подняться по ступенькам

и войти. И вот Шалимов присел рядом со мной.

Полка санинструктора находилась напротив моей.

Приподняв ее, я открыл ящик с лекарствами.

Минут пять мы с капитаном перебирали и

разглядывали таблетки с разными, не знакомыми

нам названиями. Наконец я выбрал довольно большую пачку, перетянутую черной резинкой, аккуратно вынул один стандарт (деять штук) и протянул Шалимову. Таблетки были белые и крупные. Начальник штаба взял, поблагодарил меня за сострадание и участие в таком ответственном деле, и со стенами вышел. Я продолжил чтение журнала. Но вот через час, или два, за временем я не следил, в гостиницу вернулся вспотевший, разгоряченный и усталый Баталов. Поднял свою полку, убедился, что, что ящик с медикаментами на месте и повернулся ко мне.

– Шурик, признайся, что ты дал Шалимову?

– А что случилось? – задал я встречный вопрос.

– Да понимаешь, подходит минут десять назад ко мне начштаба, голова перевязана полотенцем, показывает таблетки и спрашивает:

– Баталов, скажи пожалуйста, это – от головы?

Я отвечаю:

– Нет, товарищ капитан, это от глистов! Шалимов сначала побледнел, потом порозовел.

– Вот сволочь! Он же мне их дал от головы! Я уже четыре штуки принял.

После услышанного меня будто током ударило. Ну, думаю, пропал. Шалимова в дивизионе и без того побаивались. А теперь, наверное, совсем со свету сживет. До демобилизации, видимо, не дотяну. С этими мыслями я и заснул.

Утром, на построении начальник штаба, как обычно, отдавал приказы, распоряжения, принимал доклады. Голова его вроде бы болеть перестала, во всяком случае полотенце он снял. О вчерашнем эпизоде ни слова не сказал ни мне, ни Алику. Обошлось, решили мы. На душе сразу стало легко и спокойно, а предусмотрительный Алик с того дня повесил на свой медицинский ящик большой амбарный замок, прекратив доступ к лекарствам посторонним личностям.

А мне по сей день не понятно: как сумел Шалимов сам себе так быстро залечить головную боль? Может быть, это средство самовнушения? Или, действительно в армии одна таблетка лечит и голову и живот? Воистину универсальное средство!

Виталий ЗИНЧЕНКО

АВГУСТИНКИ

Проявились призрачно в
природе

Легкие грустинки-августинки,
По лесам они тихонько бродят
И парят над лугом паутинкой.
Желтые косички на березах,
Бантики алеют на рябинках
И дождей косых прохладных
слёзы –

Все это грустинки-августинки.

Скоро припожалует к нам
Осень,
Поразив всех огненным
нарядом.

Ни о чём и никого не спросит,
Правя увядания парадом.

Художник Михаил ШАПИРО. ПСКОВ

Ирина ПЕНЮКОВА

* * *

Стать подмастерьем, чтобы снова
Застыть с лекалом над строкой

Там, где творят живое слово.
Где в полутемной мастерской
Следы последнего наброска:
Берблюды, люди, облака -
Кусочки тающего воска
У старой Вечности в руках...

Иван БИСЕВ

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ПОЛЁТ

Оторван лист календаря,
И выпита до дна усталость,

А день, по правде говоря,
Такая малость.

Как много надо строгих зим,
Чтобы влюбиться в запах снега
И грезить пылом молодым
Его разбега.

Пускай натешится душа
Метелью, словно листопадом.
Чтоб с нею сплыться, не дыша,
Так мало надо!

Страницу подготовил
Константин Попов